

ПРЕЛЮДИЯ

Лондон, 1969 год, апрель месяц. Проливной дождь. Вольфганг Фишер прислушивается к гулу последних посетителей своей галереи Мальборо. Там демонстрируется ретроспектива старого австрийского художника Оскара Кокошки.

Рабочий день подходит к концу.

Фишер, покуривая, собирает накопившиеся за неделю счета и корреспонденцию, и тут раздается стук в дверь. Входит молодой человек. Снимает и встряхивает пальто, по полу разлетается облако брызг. Юноша представляется: его зовут Мэтью Причард.

Он хочет узнать, во сколько примерно обойдется, если заказать Кокошке портрет бабушки. Ну, навскидку.

Измученный вопросом Фишер поднимает голову. Он отвечает, что художник стар, 85 лет, и едва ли уже берет заказы. После долгих лет в изгнании он сейчас проживает в Швейцарии и скоро возвращается туда. К тому же кого попало он не пишет. Его кисти принадлежат

портреты художников, знаменитых врачей, президентов и глав государств.

Посетитель усаживается в кресло для гостей, кладет ноги в мокрых джинсах одну на другую и возражает, что миссис Мэллоуэн — не «кто угодно». Фишер это понимает. Она действительно не кто угодно.

Она частенько появляется на страницах газет в разделе сплетен, как правило, держа наготове лопаточку для разрезания торта или с бокалом в руке после открытия какого-нибудь благотворительного мероприятия. Однако зачем старой писательнице книг легкого жанра понадобилось, чтобы ее портрет написал один из самых знаменитых современных художников-экспрессионистов, не совсем ясно.

Простите, ваша бабушка разбирается в живописи?

Какая разница? — возражает Причард. Ее супруг, сэр Мэллоуэн, тоже хочет, чтобы в преддверии 80-летия ее нарисовали, желательно Кокошка. Они видели выставку. Довольно безумно, говорит Причард, но восхитительно. Можно взять сигарету? Понимаете, бабушка — самый своеобразный человек, какого только можно себе представить.

Улыбаясь, он берет из шкатулки на письменном столе Фишера сигарету. Фишер встает и подносит ему огонь, задним числом слегка раздражаясь на себя.

Он хочет знать, почему же именно Кокошка?

Искусство ведь хорошая инвестиция?

Насколько я понимаю, вы рассматриваете это главным образом как финансовую инвестицию.

Причард встает и подходит к залитому дождем окну. Деньги — не главное. Деньги имеются, если Фишеру угодно знать. Он прочел в каталоге выставки, что художник видит глазом Бога и внешнее сходство заботит его меньше, чем духовная точность.

Им хочется заполнить Кокошку, поскольку они безумно любят Агату. Она робкая и молчаливая. Но она — человек, достойный любви и глубокого уважения, и нельзя, чтобы портрет был второсортным.

Фишер с трудом скрывает нарастающее нетерпение. Ваша бабушка робкая и молчаливая? Разве она постоянно не присутствует в газетах? Разве эта проворная бабушка с начала 1920-х годов не выдает по книге в год, а то и по две? К настоящему моменту у нее, должно быть, набралось не менее шестидесяти детективов, вероятно, даже больше. Ее последнее убийство становится естественной темой для разговоров за ужинами.

Не указывает ли это на невероятную болтливость? Причард качает головой.

Иногда пишут, чтобы избежать разговоров, замечает он. Насколько он понял, художник работает необычайно быстро. Если он собирается покинуть Лондон, то трех сеансов, видимо, хватит, то есть особенно много времени он не потеряет.

Забудьте об этой идее, отвечает Фишер.

Он снимает свое пальто с крючка и открывает дверь на лестницу. Заперев за Причардом, Фишер торопливо

пробирается среди пешеходов, стараясь не оказаться забрызганным автобусами и машинами. У входа в метро он чувствует у себя на плече руку Причарда. Вы, по крайней мере, можете пообещать спросить? Да, да. Я спрошу. Причард растворяется среди капель дождя и исчезает.

Мэтью Причард — несколько сумасбродный студент двадцати шести лет. Он едет на поезде и автобусе в Торки. Ему часто доводилось бывать в бабушкиной летней резиденции Гринвей у реки Дарт. Там, возле восхитительного крутого спуска с видом на реку, семья проводила многочисленные отпуска и выходные. И в доме Уинтербрук рядом с Темзой, в Оксфордшире, тоже. Его бабушка любит дома.

Она покупает их один за другим. Обставляет и обустраивает.

Придумывает новую среду для убийств.

Сейчас Мэтью впервые в Торки, где бабушка родилась. Он осматривается на автобусной остановке возле гавани. В детстве у него была такая же бабушка, как все остальные: мягкие объятия, бесконечные сказки.

Когда он вырос и обнаружил, что делит ее с целым миром читателей, ему захотелось узнать о ней побольше. Он знает, что она была девочкой-сорванцом. Ему очень нравится представлять себе, что они

ровесники и дружат. Хочется быть таким же своенравным, как она.

Когда она родилась в 1890 году, ее звали Агата Миллер. С высоких склонов над гаванью Торки, английской Ривьеры, она смотрела на отвесные скалы и многочисленные парусники в Ла-Манше.

Вилла, где она живет с семьей, называется Эшфилд. Живет? Усадьба давно продана, а дом к тому же снесен и уничтожен.

Однако, когда ищешь воспоминания, пребываешь в настоящем времени. Мэтью тщательно изучил фотоальбомы. Когда-то Эшфилд был впечатляющим зданием в несколько этажей и с высокими окнами. К усадьбе относились три сада. Сад-розарий, в котором колючие розы смотрели злыми глазами. Дружелюбный сад с грядками, откуда брали лук, салат, петрушку и где росли кусты малины. И, наконец, таинственный внешний сад.

Он мягко спускался к морю, и там росли ясени и клены. Они склоняли кроны близко друг к другу и шептались тайны. Магическое место. Ходить сюда одной ей не разрешали. Мэтью взбирается к тому месту, где когда-то располагалась усадьба Эшфилд.

Смотреть теперь не на что, кроме унылых современных таунхаусов, но его фантазия восстанавливает усадьбу, камень за камнем. Он прогуливается вокруг квартала. С наступлением сумерек возвращается по заросшим мхом ступеням вниз, к гавани, и слушает шум моря.

Наверное, не так уж часто молодые люди интересуются своими бабушками? Но его бабушка либо помешанная, либо невероятно умная. В детстве он провел в ее обществе много часов. Постоянные походы в театр. Часто совместное посещение кино, у них по-прежнему одинаковый вкус.

Поездки в Байройт вдвоем с ней, чтобы послушать музыку. Ее корпулентная фигура в соседнем кресле. С годами он прочел много ее книг. Его поражает, насколько она понимает его жизнь и жизнь его приятелей; будто разницы в возрасте вовсе не существует.

Лондон в настоящее время взбудоражен. Его подружки поглощены Women's lib — движением за равноправие женщин. Он им симпатизирует, но думает, что знает больше них.

Благодаря бабушке. Хоть он и вырос без отца, но наличие такой внимательной бабушки, как у него, можно считать преимуществом. Он намеревается снять о ней фильм. Доев в портовом баре копченую рыбу и допив последний глоток пива, он успевает прогуляться по длинному пирсу. Здесь она каталась на роликовых коньках.

Здесь ее поцеловал ухажер.

Дует сильный ветер, и вскоре тысячи капель с моря покрывают лицо Мэтью, убеждая его, что время — химера. Бабушка, конечно, уже в годах и передвигается, как старый бульдог, но она молода. Как и Оскар Кокошка. Ему думается, что ни тот, ни другой не ощущает

себя старше пятнадцати лет. Или сорока трех. Максимум пятидесяти.

Они оба несут с собой молодость, словно в корзине. Подобно тому, когда возвращаешься от кустов малины. Ты останавливаешься, выбираешь ягодку и суешь ее в рот. Небо наполняется сладостью. На дереве кричит какая-то птица. Теперь надо торопиться, чтобы успеть на автобус.

Дверь открывает Олда, позади которой просматривается страдающий от боли в суставах Кокошка. Рады тебя видеть, заходи, Вольфи!

Чертова стужа. На тощих, как у аиста, ногах он идет первым в гостиную, одетый в мешковатые теплые кальсоны и куртку военного покроя на овечьем меху. Вскоре Фишер уже сидит на диване и рассказывает о том, как прошла в галерее неделя, включая визит Мэтью Причарда.

Откровенно говоря, довольно несносный молодой человек. Самоуверенный и высокомерный. Но деньги у него наверняка имеются. Слушая, Кокошка раздражается хохотом. Нарисовать королеву детектива? Ха-ха! Это можно было бы назвать моим сильно запоздалым громким успехом в Англии.

Олда, ты слышала?

Кричит он жене, которая готовит на кухне чай. Потом качает головой. Нет, нет. Исключено. Они рвутся домой в Монтрё. Там у него множество дел. Он ежедневно

рисует. Поливает газон. Ходит в деревню за молоком. Пишет воспоминания.

Да, он читал кое-что из детективов. Ее жажда крови и запутанные убийства бодрят. Она по-прежнему пишет? Достоинно восхищения. Сдаваться нельзя. Сам он тоже не собирается. Особенно ему запомнилась ее книга, где убийцей оказывается рассказчик, как она там называлась, Олда?

Там удивительная развязка. Старушка совершенно права: стать убийцей может кто угодно.

Ее детективы, те, что он прочел, полны неожиданных поворотов и закрученных интриг, с которыми она успешно разбирается. Соблазнить его заполучить ее в модели могло бы только то, что они примерно одного возраста.

Но теперь ему хочется виски.

Пришедшая с чайными чашками Олда ставит бутылку на стол. Фишера, как всегда, поражает, какая Олда стильная. На голову выше мужа и наверняка лет на тридцать моложе. Одета в черные брюки и серый джемпер с вязанными поблескивающими серебряными нитями. Коротко стриженные волосы мягко завиваются у висков. У нее сильный характер, и она очень красива.

Ее мужа красивым едва ли можно назвать. Он, казалось, был рожден угловатым; лицо могло быть вырезано из нароста на стволе березы. Когда он согревается виски, оно смягчается до добродушных морщин. Из всей

этой неотесанности, неровности и резкости, подобно лучу лазера, светит острый синий взгляд.

Они поразительная пара.

Деньги нам могут пригодиться, вставляет Олда.

Кокошка с хлопком ставит стакан. Верно, деньги им нужны, но отложить отъезд домой? По мере продолжения разговора у него портится настроение. Неужели они считают, что я способен написать портрет за три сеанса?

Вольфи, пожалуйста, сообщи им, что сделать хороший портрет за такое время невозможно. Королевский паяц лорд Сноудон считает, что ему требуется три дня, чтобы создать *фотографию!*

А Конрад Аденауэр — Фишер напоминает, что Кокошка писал портрет первого немецкого федерального канцлера перед его смертью — жаловался на то, что нынешние художники обычно прибывают с камерами или в сопровождении множества фотографов.

Деградация искусства живописи. Чтобы рисовать, необходимо много времени.

Передай им это.

Не могли бы мы немного продлить пребывание в Лондоне? — вставляет Олда. Кокошка отпивает еще глоток виски и закуривает сигарету. Вольфи, передай им, что я стою очень дорого. Фишер отвечает, что ему это известно, сколько же он хочет получить? Художник снова приходит в ярость. Вольфи, ты знаешь, сколько сегодня берет этот ремесленник Пикассо? Четыре беглых

Агнета Плейель

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

ПРЕЛЮДИЯ	5
ПЕРВЫЙ СЕАНС	27
ВТОРОЙ СЕАНС	51
ТРЕТИЙ СЕАНС	67
ЧЕТВЕРТЫЙ СЕАНС	91
ПЯТЫЙ СЕАНС	129
ШЕСТОЙ СЕАНС	141
ВЕРНИСАЖ И КРАТКИЙ ЭПИЛОГ.....	165